

УДК 343.2/7
DOI 10.52452/19931778_2023_6_93

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ САМОУПРАВСТВА

© 2023 г.

Е.С. Пинягина

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, Санкт-Петербург

katena111@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.06.2023

Исследуются некоторые вопросы, связанные с установлением субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ. Рассматриваются особенности обязательных и факультативных признаков, которые в совокупности образуют субъективную сторону самоуправства. Выделяется специфика определения указанных признаков, форма вины и виды умысла при совершении самоуправных действий. Обращается внимание на значение факультативных признаков субъективной стороны для правильной квалификации самоуправства, а также возможности его отграничения от смежных составов преступлений. Исследование элементов субъективной стороны помогло установить, что преступления совершаются с прямым и косвенным умыслом. Выделены особенности факультативных признаков субъективной стороны.

Ключевые слова: самоуправство, уголовная ответственность, субъективная сторона, форма вины, умысел, мотив, цель, квалификация, отграничение.

В уголовном праве субъективная сторона относится к психическому состоянию, связанному с совершением преступления. Признаками субъективной стороны определенного состава преступления являются форма вины, мотив и цель. Субъективная сторона противопоставляется объективной стороне, которая имеет дело с внешними, наблюдаемыми элементами преступления.

Анализируя форму вины, мотив и цель преступления, правоохранительные органы могут лучше понять связь между сознанием, волей человека и совершенным им общественно опасным деянием. Изучение субъективной стороны имеет решающее значение в уголовном праве, поскольку оно помогает установить психическое состояние преступника, которое часто считается ключевым фактором при определении уровня его ответственности и соответствующих правовых последствий.

Статья 330 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за «самоуправство, то есть за самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред» [1].

Субъективная сторона самоуправства характеризуется умышленной формой вины. Согласно большинству мнений ученых-правоведов, умысел может проявляться в двух формах: прямой или косвенный.

Наряду с этим была выдвинута точка зрения, предполагающая, что при рассмотрении само-

управства важно учитывать, что по отношению к совершаемым действиям имеется прямой умысел, а по отношению к возникающим последствиям – не только умысел, как прямой, так и косвенный, но и неосторожность. Так, И.А. Ребане считает, что «самоуправство с субъективной стороны характеризуется смешанной формой вины: прямым умыслом в отношении действий, умыслом (прямым или косвенным) или неосторожностью (самодеянностью или небрежностью) в отношении последствий» [2].

Обоснованность вышеуказанной точки зрения, предполагающей проведение различия между отношением лица к действиям и их последствиям, может быть поставлена под сомнение в связи с тем, что последствия самоуправных действий являются обязательным признаком объективной стороны данного преступления. В данном случае нельзя отделять намерение преступника исключительно в отношении действия от его ответственности за причиненный в результате вред.

Также есть мнения о том, что «самоуправство совершается исключительно с заранее обдуманном прямым умыслом» [3].

Однако данная точка зрения, на наш взгляд, не является верной в связи с тем, что хотя прямой умысел и характеризуется предвидением неизбежности наступления общественно опасных последствий, нельзя не указать на факт того, что предвидение неизбежности указывает на полный и точный расчет вреда осуществляемых самоуправцем действий, понимание факта того, какой именно вред будет причинен (моральный, материальный и др.), в какой момент времени

произойдет причинение вреда посредством самоуправных действий и кому именно этот вред будет причинен. Однако предвидение всего этого при совершении самоуправных действий происходит явно не всегда.

Факт наличия умысла при совершении самоуправных действий виден в самой диспозиции статьи. Во-первых, «самовольность» действий указывает на субъективную направленность и говорит о совершении общественно опасного деяния. Во-вторых, самоуправство совершается именно вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку, что указывает на умышленную направленность намерений правонарушителя, демонстрируя его пренебрежение установленными законом правовыми нормами.

Как указывает Конституционный суд Российской Федерации, ст. 330 УК РФ «предполагает привлечение к уголовной ответственности лишь за указанные в ней действия и только тогда, когда лицо осознавало их самовольность, неоснованность на законе и желало их осуществить, предвидело возможность или неизбежность наступления последствий в виде существенного вреда, желало их наступления или же не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Следовательно, нет оснований для вывода о том, что названная норма содержит неопределенность, в результате которой лицо лишено возможности осознать противоправность своих действий и предвидеть наступление ответственности за их совершение» [4]. То есть законодатель также указывает на тот факт, что самоуправство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, но не может быть совершено в форме неосторожности.

Анализ мотивов и целей при квалификации акта самоуправства заслуживает значительного внимания. Даже если закон прямо не требует учета мотивов и целей при квалификации самоуправства, на наш взгляд, данные факультативные признаки субъективной стороны позволяют дать более точную информацию для квалификации указанного деяния и отграничения его от смежных составов преступлений в правоприменительной практике.

В случаях когда преступление совершается умышленно, мотив и цель имеют важное уголовно-правовое значение.

При указании мотива и цели в умышленных преступлениях важно отметить тот факт, что законодатель может интерпретировать данные термины по-разному.

Во-первых, законодатель придает важное значение мотиву и цели в тех ситуациях, когда

данные элементы являются обязательными для установления уголовной ответственности и указываются непосредственно в диспозиции статьи (ст. 153 УК РФ, ст. 317 УК РФ и др.). В данном контексте субъективные мотив и цель содействуют определению уголовной ответственности.

Во-вторых, мотив и цель могут служить отличительными факторами, отграничивающими одно преступление от другого. Они дают представление о глубинных намерениях, мотивации и целях преступника, помогая в квалификации и понимании преступления.

В-третьих, мотив и цель также могут выступать в качестве квалифицирующих признаков, которые повышают уровень ответственности и потенциальное наказание за совершенное правонарушение. Закон может специально предусматривать отягчающие факторы, связанные с мотивом или целью, признавая, что определенные мотивы или цели могут усугубить причиненный вред или продемонстрировать более высокую степень общественной опасности [5].

Под мотивом преступления следует понимать основную причину или движущую силу, которая стоит за решением человека совершить преступление. Мотив представляет собой личный или эмоциональный фактор, который побуждает правонарушителя совершить противоправное деяние. Мотивы могут быть самыми разными: финансовая выгода, месть, ревность, власть, идеологические убеждения или самозащита. Понимание мотива преступления помогает установить связь между намерениями преступника и его действиями, мотив указывает на психические и эмоциональные факторы, повлиявшие на принятие им решения о совершении каких-либо противоправных действий. Следовательно, «мотив играет значимую роль не только в установлении субъективной стороны, но и в оценке объективных и других признаков состава, а также при определении степени общественной опасности совершенного преступления» [6].

Цель преступления связана с мысленным представлением желаемого результата, которого преступник стремится достичь своими незаконными действиями. Важно отметить, что цель преступления не следует путать с реальными общественно опасными последствиями, которые наступают в результате преступного деяния. Хотя между целью и преступными последствиями может быть совпадение или приближительная согласованность, цель не обязательно ограничивается ими.

Цель преступления осознается преступником до совершения преступного деяния. Это временное различие отличает его от общественно опасных последствий, которые наступают после совершения преступления.

Только те мотивы и цели, от которых напрямую зависит решение лица совершить какое-либо преступление и которые выражаются в соответствующем общественно опасном деянии, будут являться преступными.

По нашему мнению, учитывая тот факт, что самоуправство является умышленным преступлением (совершаемым как с прямым, так и с косвенным умыслом), мотив и цель имеют большое значение как для верной квалификации, так и для его отграничения от иных смежных составов преступлений (чаще всего преступлений против собственности).

Понимание лежащих в основе самоуправства мотивов и целей помогает точно идентифицировать и квалифицировать преступление, позволяя применять индивидуальные правовые подходы и соответствующие последствия, основанные на уникальных обстоятельствах преступления.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30.11.2017 «от хищения следует отличать случаи, когда лицо, изымая и (или) обращая в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на это имущество (например, если лицо обратило в свою пользу вверенное ему имущество в целях обеспечения долгового обязательства, не исполненного собственником имущества). При наличии оснований, предусмотренных статьей 330 УК РФ, в указанных случаях содеянное образует состав самоуправства» [7].

То есть законодатель прямо указывает на наличие цели «осуществить действительное или предполагаемое право» при совершении самоуправных действий. Данная цель позволяет отграничить самоуправство не только от корыстных преступлений, но и от иных действий, которые могут быть расценены как самоуправные, таких как крайняя необходимость или необходимая оборона.

Необходимо отметить в данном контексте, что представляет собой понятие «предполагаемое» и «действительное» право.

«Действительное право» в доктрине уголовного права понимается как такое право, которое принадлежит конкретному лицу на законной основе, то есть должно быть юридически закреплено. Однако судебная практика указывает на то, что самоуправные действия, совершаемые в целях осуществления именно действительного права, крайне редкое явление.

Термин «предполагаемое право» не имеет стандартизированного толкования в научной литературе. Однако изучение различных толкований в литературе по уголовному праву дает

основу для понимания этого как права, которое индивид ошибочно считает принадлежащим ему, несмотря на отсутствие законных оснований. Важно отметить, что вера индивида в это право должна подкрепляться некоторыми объективными предпосылками и основаниями, которые заставляют его предполагать существование такого права. Это подразумевает, что неправильное представление человека сформировано сознательно, или, другими словами, добросовестно, то есть указывает на его добросовестное заблуждение.

Также необходимо отметить, что трактовка «осуществление», на наш взгляд, является не совсем верной, так как целью самоуправных действий является именно «восстановление нарушенного» предполагаемого или действительного права.

В широком смысле цель восстановления этих прав коренится в стремлении к справедливости и стремлении компенсировать вред, причиненный предшествовавшим нарушением прав виновного или других лиц, то есть также восстановить его нарушенные права и обязанности.

В конкретном контексте цель восстановления таких прав может принимать различные формы в зависимости от обстоятельств. К примеру, восстановление предполагаемого или действительного права на имущество: если имущество физического лица, совершающего самоуправные действия, было повреждено, цель восстановления будет заключаться в обеспечении того, чтобы получить замену данного имущества или компенсацию за повреждение, эквивалентную стоимости поврежденного предмета. Иным примером восстановления нарушенного предполагаемого или действительного права выступает намерение погашения долга. Посредством самоуправных действий кредитор может самовольно завладеть каким-либо имуществом должника с целью восстановления своего действительного или предполагаемого права на получение причитающейся суммы долга. Также примером восстановления нарушенного предполагаемого или действительного права является принудительное исполнение договорных обязательств: в ситуациях, когда одна сторона не выполняет свои договорные обязательства, цель восстановления прав будет заключаться в том, чтобы принудить эту сторону выполнить свои договорные обязанности.

Так, «Рубцовский городской суд Алтайского края рассмотрев в открытом судебном заседании материалы уголовного дела в отношении В., который незаконно завладел в счет имеющегося у него денежного долга С. имуществом последнего, ... асфальтовым заводом, причинив С. матери-

альный ущерб на общую сумму 3 754 399 рублей, который для него является существенным. Следствие первоначально инкриминировало В. п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Но все содеянное в итоге было переквалифицировано на ч. 1 ст. 330 УК РФ. В судебном заседании установлено, что подсудимый пренебрёг установленным законом порядком урегулирования возникшего спора о взыскании денежных средств, самовольно предпринял противоречащие этому порядку меры по восстановлению своих предполагаемых прав, причинив потерпевшему вред, размер которого, с учётом материального положения потерпевшего, невозможности извлечения прибыли, свидетельствует о его существенности» [8].

Цель самоуправства тесно связана с его отличительным мотивом. Мотивы самоуправства чаще всего являются следствием предшествующего нарушения предполагаемого или действительного права. Мотивы совершения самоуправных действий могут включать в себя чувство обиды, ощущение несправедливости или желание добиться возмездия. В случаях самоуправства отдельные лица могут действовать под влиянием сильной эмоциональной реакции на то, что они воспринимают как предшествующее нарушение их собственных прав или прав других лиц. Эта эмоциональная мотивация может подтолкнуть их к совершению действий, противоречащих установленным правовым процедурам и предписаниям. Важно отметить, что хотя эти мотивы могут корениться в восприятии предшествующего нарушения прав, они не оправдывают противоправное поведение.

Так, мотив, вызванный чувством нарушенной справедливости, ясно виден в приговоре Шпаковского районного суда Ставропольского края по уголовному делу в отношении Ш., который «получив от своей сожительницы Б. сведения о ее оскорблении гражданином А., решил самовольно, вопреки установленному административным законодательством порядку привлечения лиц к административной ответственности за оскорбление и гражданским законодательством порядку возмещения морального вреда за оскорбление, забрать принадлежащий А. мотокультиватор «CHAMPION BC5602» в целях привлечения его к ответственности, возмещения морального вреда его сожительнице Б.» [9].

Кроме того, из приговора суда очевидно, что самоуправство может включать в себя самовольные действия, предпринятые не только для восстановления собственных предполагаемых или фактических прав, но и прав других лиц, которых представляет виновный, как указано в примере выше. Другой иллюстрацией этого является незаконное самовольное изъятие имущества лицом, действующим от имени кредитора,

в счет погашения долга. В таких случаях физическое лицо, предпринимая самоуправные действия, может полагать, что оно имеет право изъять имущество должника в качестве средства обеспечения долга перед кредитором. Это самовольное действие осуществляется с намерением восстановить право кредитора на получение возмещения долговых обязательств.

Однако в науке уголовного права данная точка зрения является предметом обширной дискуссии. По мнению некоторых авторов, утверждается, что самоуправством не является реализация права, принадлежащего третьему лицу (правообладателю), лицом, не получившим поручения на осуществление действий от имени правообладателя [10]. В данном утверждении отсутствие поручения от правообладателя на совершение действий по реализации права рассматривается как решающий фактор при определении того, можно ли считать то или иное действие самоуправным или нет.

Однако, по нашему мнению, ключевой фактор при определении наличия состава самоуправства не зависит от того, чье предполагается или действительное право реализуется виновным, и также не зависит от того, имеется ли у самоуправца поручение на реализацию такого права. Важнейшим признаком самоуправства является именно совершение самовольных действий, вопреки установленной законом процедуре осуществления таких прав, и не важно, совершает их лицо, наделенное такими правами, или же лицо, которому данные права не принадлежат. Вторично хотим отметить значение цели при совершении самоуправных действий, если они совершаются лицом, не являющимся «собственником» таких прав. В случае если целью виновного было восстановление нарушенного предполагаемого или действительного права третьего лица, речь идет о самоуправных действиях. Если же виновное лицо, осуществляя какие-либо самовольные действия, преследует корыстную цель или какие-либо личные интересы, состава самоуправства в данном случае не будет. Преступление виновного следует квалифицировать по иным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Для понимания приведем пример: допустим, кредитор, имеющий право на получение долга от Н., рассказал своему знакомому А. о том, что долг Н. ему не возвращает. А., преследуя личные цели, решил взыскать долг с Н., потребовал более высокую сумму для погашения долговых обязательств с целью вернуть долг кредитору, а также с целью получить выгоду и забрать сумму, полученную сверх необходимой для погашения долга, себе.

В отличие от корыстных преступлений, мотивированных личной выгодой, таких как кража

или мошенничество, самоуправство характеризуется иной целью. В самоуправстве основное внимание уделяется не извлечению финансовой выгоды для себя или преследованию личных интересов за счет других. Вместо этого основная цель состоит в том, чтобы восстановить нарушенное предполагаемое или действительное право.

С признанием этого различия становится очевидно, что совершением самоуправных действий движут такие мотивы и цели, которые связаны с чувством справедливости, стремлением к возмездию или восстановлению прав, а не с личной выгодой или обогащением. Это различие имеет важное значение для того, чтобы отличать самоуправство от корыстных преступлений, подчеркивая его уникальные характеристики и природу.

Самоуправство совершается с целью восстановления уже нарушенного или предполагаемого права, т.е. когда вред законным интересам виновного уже причинен (например, ему вовремя не возвращен долг). После этого лицом совершаются самовольные действия, причиняющие существенный ущерб. В этом отражается его отличие от крайней необходимости или необходимой обороны, так как в данных положениях Уголовного кодекса Российской Федерации указывается на наличную опасность, а также на устранение такой опасности либо же защиту прав, нарушаемых в момент необходимой обороны, либо еще не нарушенных прав и свобод.

Признавая и дифференцируя эти понятия, правовая система может эффективно оценивать обстоятельства, связанные с самоуправством, оценивать мотивы и цели правонарушителя и применять соответствующие правовые меры для устранения нарушений и восстановления справедливости.

Основываясь на приведенном выше исследовании, мы можем сделать вывод, что к особенностям признаков субъективной стороны самоуправства относится специфичность мотива и цели. Мотив и цель в составе самоуправства неразрывно связаны между собой. Мотивы совершения самоуправных действий могут включать в себя чувство обиды, ощущение несправедливости или желание добиться возмездия. В случаях самоуправства отдельные лица могут действовать под влиянием сильной эмоциональной реакции на то, что они воспринимают как предшествующее нарушение их собственных прав или прав других лиц. Отсюда вытекает выделенная нами цель совершения самоуправных действий – цель восстановления нарушенного предполагаемого или действительного права.

Также особенностью признаков субъективной стороны самоуправства выступает отсутствие цели незаконного обогащения и корыстного мотива. Эта особенность позволит предотвратить возможные ошибки в квалификации самоуправных действий в ходе профессиональ-

ной правоприменительной деятельности правоохранительных органов. Данная особенность позволяет отличить самоуправство от преступлений, совершаемых из корыстных побуждений, а также от иных действий, которые могут быть расценены как самоуправные, таких как крайняя необходимость или необходимая оборона, так как данные действия оправдываются непосредственной угрозой или опасностью и направлены на предотвращение такой опасности или защиту прав и свобод, которые еще не были нарушены, а самоуправство возникает уже после того, как нарушение имело место, и направлено на восстановление предполагаемых или фактических прав.

Таким образом, признание различных мотивов совершения самоуправных действий и цели восстановления нарушенного предполагаемого или действительного права в составе самоуправства позволило бы правоохранительным органам избежать неправильной квалификации и обеспечить точное и адекватное юридическое реагирование на каждый уникальный случай самоуправства.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.
2. Ребане И.А. Начальные знания об уголовном праве. Таллинн: Ээсти раамат, 1984. 198 с.
3. Примов Д.Р. Признаки субъективной стороны состава самоуправства // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 165–168.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1970-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тангиева Беххана Тавсултановича на нарушение его конституционных прав статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Парог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практическое пособие / М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая акад. М.: Проспект, 2008. 218 с.
6. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. 166 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. Февраль.
8. Приговор Рубцовского городского суда Алтайского края от 3 ноября 2020 г. по делу № 1-164/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JWb8HjWORE5/> (дата обращения: 03.06.2023).
9. Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края 14 сентября 2020 г. по делу № 1-117/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JWb8HjWORE5/> (дата обращения: 03.06.2023).
10. Щербаков А. Самоуправство // Уголовное право. Научно-практический журнал / Гл. ред. П.С. Яни. 2008. № 1. С. 72–77.

FEATURES OF THE SIGNS OF THE SUBJECTIVE SIDE OF ARBITRARINESS

E.S. Pinyagina

The article examines some issues related to the establishment of the subjective side of the crime under Article 330 of the Criminal Code of the Russian Federation. The features of mandatory and optional features, which together form the subjective side of arbitrariness, are considered. The specifics of the definition of these signs, the form of guilt and types of intent when committing arbitrary actions are highlighted. Attention is drawn to the importance of optional signs of the subjective side for the correct qualification of arbitrariness, as well as the possibility of its differentiation from related crimes. The study of the elements of the subjective side helped to establish that crimes are committed with direct and indirect intent. It is established that when committing self-directed actions, there is no selfish motive and purpose.

Keywords: arbitrariness, criminal liability, subjective side, form of guilt, intent, motive, purpose, qualification, delimitation.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FL of June 13, 1996 (as amended on 29.12.2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. June 17. № 25. Article 2954.
2. Rebane I.A. Initial knowledge of criminal law. Tallinn: Eesti raamat, 1984. 198 p.
3. Primov D.R. Signs of the subjective side of the composition of arbitrariness // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 7. P. 165–168.
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 29, 2015 № 1970-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Tangiev Bekhan Tavsultanovich for violation of his constitutional rights by Article 330 of the Criminal Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
5. Rarog A.I. The judge's handbook on the qualification of crimes: A practical guide / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State

Law Academy. M.: Prospekt, 2008. 218 p.

6. Volkov B.S. Motive and qualification of crimes. Kazan: Publishing house of the Kazan University, 1968. 166 p.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017 № 48 (ed. dated 15.12.2022) «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. February. № 2.
8. The verdict of the Rubtsovsky City Court of the Altai Territory dated November 3, 2020 in case № 1-164/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JWb8HjW ORe5/> (Date of access: 03.06.2023).
9. The verdict of the Shpakovsky District Court of the Stavropol Territory on September 14, 2020 in case № 1-117/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JWb8Hj WORE5/> (Date of access: 03.06.2023).
10. Shcherbakov A. Arbitrariness // Criminal law. Scientific and practical journal / Chief editor P.S. Yani. 2008. № 1. P. 72–77.